

ХОДУНОВ ДАНИИЛ

ПОМЕЩИК

18+

Даниил Ходунов

Помещик

«Автор»

2025

Ходунов Д. А.

Помещик / Д. А. Ходунов — «Автор», 2025

Империя Орловских держится на трёх столпах: страхе, деньгах и опиуме. До тех пор, пока в городе не появляется он. Николай Орловский — младший сын в семье, мечтатель, не знающий тёмных тайн своего рода. Всё меняется, когда в их поместье приезжает столичный инспектор Фёдор Ворошовский с детьми. Николай с первого взгляда влюбляется в его дочь Татьяну, даже не подозревая, что эта любовь станет началом конца для всей семьи. Его отец, Александр Орловский, — жёсткий прагматик, построивший состояние на запрещенной торговле. Его старший сын Иван — точная копия отца, готовый на всё ради власти. Чтобы спасти бизнес, Александр запускает опасную игру, где пешками становятся его собственные дети. Это роман о любви, предательстве и выборе. О том, что происходит, когда закон сталкивается с беззаконием, а честь — с семейными узами.

© Ходунов Д. А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Часть I: Гроза над поместьем	6
Глава 2: Две противоположности	8
Глава 3: Тайна Орловских	10
Часть II: Игры разума и сердца	13
Глава 5: Первое свидание	15
Глава 6: Урок жестокости	20
Глава 7: Стены непонимания	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Даниил Ходунов

Помещик

Пролог

Орловский Николай Александрович, тысяча восемьсот второго года рождения, за убийство Варошовской Татьяны Федоровной, вы приговариваетесь к публичной казни через повешивание, приговор вступает в силу с этого момента.

“Моя семья, нет, мои однофамильцы, по-другому я не могу их назвать. Что я сделал не так? Я хотел просто хотел стать архитектором своей жизни, решать сам за себя, любить и быть любимым”.

–Руби веревку.

–Есть.

Часть I: Гроза над поместьем

Глава 1: Семейный совет

За несколько месяцев до приговора.

Конец августа дышал последним, увядающим зноем. Воздух в поместье Орловских был густым и сладким – его наполняли аромат спелых яблок из сада и едва уловимая горьковатая нота первого осеннего костра, тлевшего где-то в глубине парка. Золотистая пыль, поднятая за день, медленно оседала на аллеях, а липы, еще зеленые, уже начинали ронять первые, сморщенные по краям, листья.

– Собери мне всю семью у камина на первом этаже, – отчеканил Орловский Александр Михайлович, обращаясь к одному из своих крепостных. Властный баритон прозвучал особенно твердо в звенящей тишине опустевшей гостиной.

Не прошло и четверти часа, как все семейство Орловских, в тревожном и недоуменном молчании, столпилось в простенке между тяжелыми дубовыми книжными шкафами. Пламя в камине плясало, отбрасывая на их лица беспокойные тени. Семья включала в себя отца Александра, мать Екатерину, сыновей Ивана и Николая, а также двух дочерей – Надежду и Марию.

– Папинька, что-то случилось? – робко, чуть слышно, спросила Надежда, младшая дочь Александра, ее голос дрогнул, выдавая внутреннее смятение.

Все присутствующие пребывали в полном замешательстве, ибо столь внезапный и торжественный сбор среди бела дня не сулил ничего доброго. После вопроса Нади в зале воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев да мерным тиканьем маятника напольных часов.

– Отец, ответь же на вопрос своей дочери, – нервно, но с привычной опаской, всколыхнув тяжелый воздух, произнес Иван.

– Заткнитесь оба! – рявкнул Александр Петрович, и его лицо, обычно надменное, искажилось судорогой гнева. – А вы, рабы, выметайтесь отсюда, или головы с плеч снимаю!

После этих слов семья пришла в еще большее смятение. Отец, хоть и был нрава вспыльчивого, но чтобы так оборвать свою любимицу Наденьку – подобного не припоминал никто. Лишь одна мать, Екатерина Дмитриевна, стояла с каменным, непоколебимым видом; казалось, она заранее знала каждое слово, что сорвется с губ супруга.

– Так, собрались с мыслями и слушайте, что я вам скажу, – Александр Петрович оправился, его голос вновь обрел стальную твердость. – Через половину суток сюда пожалует инспектор по особо важным делам Империи. Для нашего округа такое – впервые. Цель его визита, как мне поведал проверенный источник, – наше поместье. А точнее: я, вы и то, каким образом мы извлекаем наши доходы.

Отец замолчал, кинув взор в пляшущее пламя, словно в его переменчивых языках искал ответа. Старшая дочь Мария, не выдержав паузы, проговорила:

– А в чем, собственно говоря, дело, не мучь нас неизвестностью, отец? Все деньги у нас ведь честн...?

Не успела Мария договорить, как резкий удар ладони отца заставил ее захлебнуться на полуслове. Мать, братья и Надя замерли в ужасе от сего действия. Александр Петрович всегда тщательно блюл образ благородного человека, который на людях никогда не позволял себе демонстрировать «воспитательную работу».

– Ты усомнилась в честности моей деятельности или деятельности твоей матери? – прошипел он, склонившись к побледневшей дочери. – Еще хотя бы один раз я услышу сомнения в твоих речах – полгода будешь возиться вместе с рабами в сараях. Понятно?

– Да, я все поняла, – чуть слышно выдохнула Мария, прижимая ладонь к пылающей щеке.

– Вот и славно. Задача для каждого из вас предельно ясна: с приезжими людьми общаться лишь по делу, лишнего не болтать, если задастся слишком уж дотошными вопросами – отсылайте ко мне. Все свободны.

Александр дал нотации для своей семьи, но для Ивана были уготованы совершенно иные требования. Александр растил из Ивана наследника и преемника рода. Иван был посвящен во все семейные дела и даже иногда выполнял деликатные поручения отца. Александр видел в нем себя в юности, и Иван, в свою очередь, был его точной копией – грозный, амбициозный, с тем же жестким, властным взглядом. Лишь в телосложении они различались: Иван, широкоплечий и дюжий, намного превосходил отца мощью стана.

– Ваня, слушай меня внимательно, – отозвал его Александр Петрович в сторону, в глубокую оконную нишу. – Этот город – наш, все прилегающие территории – тоже. Тот, кто едет за нами, хочет отнять всё!

– Как так, отец? Какие у него могут быть основания? – Иван нахмурил густые брови. – Мы люди знатного происхождения, какое право он имеет?

– Правильные вопросы задаешь, сынок, но ответа на них у меня нет. Просто выслушай и иди. Для тебя есть задание.

– Ну, говори...

– Ты должен взять двух опричников, покрупнее, и пройтись по всем торгашам в центральном ряду и на Белом рынке.

– Просто пройти? – удивился Иван.

– Дурак ты, Ваня, не перебивай! Сейчас не до шуток, времени в обрез! – вспыхнул отец, понизив голос до шепота. – Берешь их и подходишь к каждому местному, кто сидит у нас на крючке. Ты должен донести до них, что с приездом инспектора не меняется ровным счетом ничего. Если же кто-то вздумает воспротивиться или язык распушит – не бей, не кричи, просто возьмете да где-нибудь за углом, тишком, и ломаете ему конечности. Чтобы другим неповадно было.

– Разве в нашей ситуации не благоразумнее будет просто немного расслабить ошейник на их шее? – осторожно вставил Иван. – Тогда они сами будут сидеть смирно. Мне кажется, лучше дипломатия, нежели подобные меры.

– Иван! – холодно проговорил Александр Петрович. – Голова должна падать с плеч того, кто кусает руку кормящего. Вот, крути эти слова у себя в голове и выполняй задание.

Александр Орловский, хоть и являлся дворянином, свой огромный авторитет, а точнее – леденящий душу страх всех, кто с ним стоял рядом, он заработал делами темными и нечестными. Именно с этим и ехал разбираться некий инспектор.

Минут через десять после сего разговора, у главного сарая, что стоял в глубине усадьбы, Александр Михайлович, сгребая опричников властным взглядом, скомандовал:

– Так, встали! Сейчас мы с вами будем переносить остатки производства в другое место!

– Дорогой, а не опасно ли в столь неожиданный для нас момент продолжать сие дело? – тихо, положив руку на его рукав, проговорила Екатерина.

– А ты хочешь, чтобы я терял ежемесячную выручку из-за какого-то охламона? – резко оборвал он ее. – Катя, уйди отсюда. Как закончу дела – позову.

Глава 2: Две противоположности

Тем временем на втором этаже поместья Николай, облокотившись о резной подоконник, с печальным видом наблюдал, как длинные тени раннего вечера ложатся на пожелтевший парковый газон. В скором времени, где-то через месяц, у него должна была состояться свадьба с дочерью друга отца, помещика Юрливского. Будущую супругу свою он ни разу не видел, но уже понимал с горькой ясностью, что брак не по своей воле – не лучший из уделов.

Николай был полной противоположностью всем прочим членам своего семейства. Не грозный, как отец с Иваном, не порывисто-эмоциональный, как Надя, и не уверенно-холодная, как Мария, он скорее походил на мать – мягкий, мечтательный, склонный к созерцанию. Да и внешне он унаследовал ее черты: высокий рост, волосы цвета спелой пшеницы, кожу мягкую и бледную, будто отсиженную в библиотеке.

Николай даже не ведал толком, чем занимается его семья. Почему даже вольные люди города готовы были свернуть горы по одному слову человека с фамилией Орловский? Почему при виде отца все падали ниц и замирали в страхе? И отчего при, казалось бы, обычном поместье, у них водились деньги, коих хватило бы и царским родственникам? Он знал лишь, что отец своих верных крепостных называл опричниками, что в их краях производили молоко, масло и тому подобное, ну и питались они, разумеется, собственной продукцией.

Внезапно дверь в его комнату с шумом распахнулась, и ворвалась Надя.

– Коля, вставай, пойдем! Инспектор приехал! Пойдем встречать! – закричала она, вся покрасневшая от волнения.

– Так почему же так рано? – удивился Николай, отрываясь от окна. – Отец же говорил, что через половину суток?!

– Коля, не знаю! Пошли же!

– Ладно, ладно, идем, только умоляю, не кричи так.

Весь город, казалось, собрался на пыльной площади перед убогим зданием полицейского управления, дабы взглянуть на загадочного столичного гостя. К подъезду подкатили три дорожные кареты, запряженные усталыми лошадьми. Из первых двух, с грохотом откинув ступеньки, высыпались рослые столичные полицейские в новехоньких мундирах. Из третьей же, с некоторой медлительностью, возник высокий, худощавый мужчина в дорожном сюртуке и шляпе, с зонтом-тростью в холеной руке. Вслед за ним выпрыгнула его точная копия, только лет на двадцать пять моложе; все окрестные девушки тут же устремили на него заинтересованные взоры. А затем, легким движением, на землю ступила прелестная молодая девушка с волосами цвета спелого льна и большими, ясными глазами. Коля, застигнутый этим зрелищем, замер на месте, будто вкопанный.

«Неужто я видел когда-либо столь прекрасное создание?» – пронеслось у него в голове.

Пока Коля пребывал в оцепенении, Иван, не теряя ни секунды, уже подошел и с галантным видом подал руку молодой даме, чтобы помочь ей спуститься.

– Прелестная леди, позвольте представиться, – произнес он с подобострастным изяществом. – Меня зовут Орловский Иван, я старший сын дворянина Орловского Александра и дворянки Орловской Екатерины.

– Очень приятно, – отвечала она, и голос ее прозвучал как серебряный колокольчик. – Я Ворошовская Татьяна, дочь Ворошовского Федора, старшего инспектора по уголовным делам Империи.

Все вокруг ахнули – инспектор не только приехал, но и привез с собою своих детей.

– Федор Петрович, доброго здоровья, – с максимально притворной, сахарной улыбкой, уже подходя к инспектору, проговорил Александр Орловский. – Позвольте представиться: Орловский Александр, владею здешним поместьем.

– И вам доброго дня, – сухо, без тени улыбки, ответил инспектор, окидывая его пронзительным взглядом. – Как вы уже, видимо, слышали, я Ворошовский Федор. Будьте так добры, проводите меня до здешнего отделения полиции.

Горячий прием не успел начаться, как уже был завершен. Николай же, смотря на проходящую мимо Татьяну, испытал смятение сильнейших, доселе неведомых ему чувств.

«Любовь с первого взгляда? – размышлял он, не в силах оторвать от нее взора. – Но почему? Я вижу ее впервые... Такого не бывает. Но она... она абсолютно не похожа на всех девушек, коих я встречал доселе. В ней столько грации, столько одухотворенной красоты... По одному лишь ее взгляду видно, что она изрядно образованна».

Инспектор со всей своей свитой проследовал в здание полицейского управления в сопровождении Александра и его опричников. Горожане, столпившиеся было поглазеть на важного гостя, по властному окрику Ивана, были быстро разогнаны и отправлены по домам.

– Пошли, чего встал, пора нам всем посетить столовую для плотного обеда! – прокричала Надя, дергая Колю за рукав.

– Да, пойдём, – машинально ответил он, все еще находясь под впечатлением от увиденного.

Обед прошел в гнетущей, натянутой атмосфере. Все молчаливо вкушали яства, но напряжение, исходившее от главы семейства, витало в воздухе, словно запах грозы. Все делали вид, что спокойны, но один лишь взгляд на Александра Петровича, на его сведенные судорогой брови и бегающий, колющий взгляд, выдавал всю глубину его тревоги. Он не на секунду не отпускал мысли о пропасти, что могла разверзнуться у его ног и поглотить разом все семейство.

После обеда, ближе к вечеру, когда солнце уже косилось багровым шаром сквозь ветви старых лип, Николай, проходя по коридору второго этажа, случайно подслушал разговор матери с отцом в кабинете.

– Кать, это полная катастрофа! – доносился взволнованный голос отца. – Пообщался я со старшим полицейским нашего отделения... Ты себе представить не можешь, что он мне сказал!

– Ну, не томи, ради Бога! – встрепенулся встревоженный голос Екатерины Дмитриевны.

– Этот Федор, инспектор, прибыл в наш город на целый год! И, по его же словам, по приезду ему будто бы уже все стало ясно как день. И выстроенного графика, то есть целого года, ему, мол, с лихвой хватит, чтобы все здесь поставить на свои места.

– Как понять? Он что-то знает? – в голосе матери послышалась паника.

– Не ведаю. Может, игра слов, а может, и вправду имеет свой источник в городе. Короче, производство мы не прекращаем. Есть у меня две идеи, как сделать, чтобы все остались живы-здоровы, а с точки зрения законов Империи мы выглядели белее снега.

«О чем это они? – пронеслось в голове у Николая, застывшего в темноте коридора. – Производство чего? Что он знает?»

Глава 3: Тайна Орловских

– Саша, ты погубишь себя и всю нашу семью из-за своего упрямства! – с мольбой в голосе проговорила мать. – Ну, потеряем мы деньги! У нас их и так неисчерпаемое количество, хватит на три поколения вперед!

– Знаешь, Катя, – тихо, но с непреклонной твердостью ответил отец, – дом, в котором мы стоим, и впрямь достался мне от отца. Да, он был дворянином, как и твой. И ты была с приданым. Но что было бы у нас, если б не я? Лишь этот дом, да парочка опричников, да десяток лошадей? Весь авторитет, все деньги, все то, что позволяет вам жить, не зная забот, – все это создал я! И потому мне решать, как будет двигаться дальше наш семейный бизнес! Я сделаю так, чтобы не три, а двадцать поколений вперед не знали нужды! Ты меня поняла?

Александр разъярился не потому, что супруга бесила его – в иные дни ее робкие возражения он пропускал мимо ушей. Нет, гнев его был иного свойства, рожденный ледящим душу осознанием всей серьезности происходящего. Он понимал, что сейчас подбрасывает монету, где на кону стояла не только его голова, но и судьба всего рода. Шансы были равны: либо он обретет неслыханный авторитет, сумеет продолжить свое дело под носом у инспектора, либо вся его семья пойдет под трибунал, и память о фамилии Орловских навсегда будет опозорена.

Николай, прильнув к холодной двери, слышал, как голос матери дрогнул, и, не в силах более терпеть, решился вмешаться, дабы оградить ее от отцовского гнева. Он толкнул тяжелую дверь и переступил порог кабинета.

– Родители, почто вы ссоритесь? – произнес он, и голос его прозвучал неуверенно в гнетущей тишине.

Александр обернулся на него взглядом, полным такой ярости, что у Коли похолодело под ложечкой, а сердце замерло в груди. Но уже в следующее мгновение буря в глазах отца утихла, сменившись напускным, тяжким спокойствием.

– Да ничего, сынок, – отозвался он, и в голосе его послышалась усталость. – Мы как раз закончили. Катя, жди меня в постели. А ты, Коля, ложись спать. Поздно уже.

Отец медленно подошел, положил свою тяжелую, коленую руку на голову сына и с легкой нежностью провел по его волосам. Затем он проводил их до двери, и как только Николай с матерью вышли в коридор, дверь кабинета с глухим стуком захлопнулась, и щель под ней поглотила последнюю полоску света.

Несколько минут в кабинете царила мертвая тишина. А затем раздался первый удар. Александр Петрович, с лицом абсолютно бесстрастным и спокойным, словно совершал рутинную работу, принялся крушить свое же убежище. Его кулаки со свистом обрушивались на дубовые панели стен, он опрокинул массивный письменный стол, с грохотом швырнул на пол бронзовые подсвечники. Самое удивительное было в том, что на его лице не отразилось ни единой эмоции – лишь холодная, сосредоточенная решимость.

Александр Орловский был для окружающих фигурой двойственной – одновременно источником страха и предметом глубочайшего уважения. Ему удавалось удерживать эту зыбкую грань. Тот, кто осмеливался перейти ему дорогу, был обречен на долгие, изощренные страдания, если вообще оставался в живых. Но люди, безропотно и качественно выполнявшие его волю, жили в достатке, не зная нужды. Взять тех же опричников – вроде бы простые крепостные, но у каждого стоял свой, пусть и небольшой, домик, и ни одна семья не знала, что такое голод.

– Виктор, зайди ко мне! – раздался из-за двери его властный, но уже совершенно ровный голос. – Нет, стой! Сначала разбуди Ивана и оба сюда, живо!

Виктор был самым приближенным слугой помещика, его тенью, серым кардиналом всего имения. Куда Александр Петрович указывал перстом со словами «сделай», Виктор уже был там и дело исполнял, невзирая ни на что. Он не был грозным бойцом – скорее, старым, тщедушным мужчиной с бесцветными глазами. Но его хитрость, изворотливый ум и абсолютная беспринципность помогали выполнять самые темные поручения, не оставляя за собой никаких следов.

Иван и Виктор вскоре вошли в кабинет, и дверь вновь закрылась, поглотив их. В этот самый момент в другой части дома Мария постучала в дверь к Николаю.

– Коль, привет, не помешаю? – тихо спросила она, заглядывая в комнату.

– Нет, ты чего, Маш, конечно нет, – оправился от пережитого Николай. – Что-то случилось?

– Да так, решила просто поговорить со своим единственным адекватным родственником, – улыбнулась она, входя. – Что думаешь вообще по поводу всего этого? Отец как на ножах весь день.

– Коль? Ты меня слышишь? – удивленно произнесла Мария, видя, что брат уставился в одну точку.

– Да-да, я тут, – вздрогнул он. – Я думал, говорить тебе или нет... Сейчас дверь закрою, подожди.

– Это еще зачем?

– Короче, слушай, – понизив голос до шепота, начал Николай. – Я не знаю, о чем толком говорили родители, но контекст таков: наша семья что-то производит, видимо, недозволенное, за этим и приехал инспектор. Отец ломает голову, как быть. Я услышал, что у него есть два варианта развития событий, но каких – не ведаю.

– Эм, в смысле, ты не знаешь, чем занимается отец? – изумленно подняла брови Мария.

– А ты, как будто, знаешь!

– Коль, конечно! А как же ты, живя тут восемнадцать лет, ничего не приметил? Все эти сомнительные гости отца, его тайные отлучки?

– Да я как-то в своем мире, что ли, нахожусь...

– Ладно, давай я тебе открою глаза, – вздохнула сестра. – Расскажу, откуда поступает основной денежный поток, а не эти мелкие дела вроде поборов с лавочек. Но потом мы поговорим о другом, я вообще-то сюда по иному поводу.

– Маш, ну не томи!

– Наш папенька – производитель и оптовый торговец опиумом.

Коля настолько вытаращил глаза, что они, казалось, вот-вот выйдут из орбит. Воздух вырвался из его легких беззвучным стоном.

– Да не удивляйся так, – покачала головой Мария. – Он уже лет пять, не меньше, этим промышляет и пытается максимально скрывать это от таких, как мы с тобой.

– Маша, я не могу в это поверить... А где производство?

– Вот этого подсказать не могу. И, кстати, знаешь что? Я тут подумала, и мне кажется, что на дочери Юрливского тебя женят не просто так...

– У меня столько вопросов... – прошептал Коля, и взгляд его стал пустым и отрешенным.

«Я только что узнал тайну своего отца и матери, которую от меня скрывали каждый день в течение всей жизни. Иван же в курсе, даже, возможно, участвует в деле. Как все ужасно», – пронеслось у него в голове.

– Ладно, Коленька, – перевела дух Мария, – а теперь скажи, запал же ты на ту, ну, как ее? На дочку инспектора!

– Что? С чего ты взяла? Это было видно? – вспыхнул он, как маков цвет.

– Ой, мы вроде одногодки, а ты такой юнец еще... – рассмеялась она. – Короче, завтра проснемся пораньше и пойдем гулять, может, встретим ее!

– Сестра, я не знаю... Там Ваня уже, кажется, нацелился. Я не знаю, стоит ли...

– Ладно, спокойной ночи, Коля. Завтра у главного входа в десять утра! – бросила на прощание Мария и, повернувшись, стремительно вышла, легкий шорох ее платья затих в коридоре.

Николай подошел к окну. Лунный свет, холодный и беспристрастный, озарил его бледное, растерянное лицо. Он не понимал, как такое возможно. Он думал, что проверяющий, ну, может, инспектирует, как отец с крепостными обращается, не превышает ли власти, а тут – такое. Коля был пацифистом по натуре и презирал любые виды аморальных поступков, а его отец, выходило, был их живым воплощением. Но, честно говоря, темные делишки отца волновали его сейчас куда меньше, чем образ приезжей Татьяны. Вот она-то по-настоящему вскружила ему голову.

«Я увидел ее один раз, и то на несколько минут, никак не контактировал. Отчего же в душе поднялась такая буря? Да и я теперь боюсь Ивана, который, как мне кажется, тоже причастен к этому. Если она ему приглянулась, что он со мной сделает?.. Да все это не важно! Скоро на сватовство приедет Юрливский, даже без своей дочери...»

Часть II: Игры разума и сердца

Глава 4: Коварный план

В это время в кабинете, среди обломков мебели, царила деловая атмосфера.

– Смотрите сюда и слушайте меня внимательно, – говорил Александр, чертя пальцем по пыли на уцелевшей полке. – Первый вариант вы услышали! Мы пустим его в ход лишь в случае крайней необходимости. А вот второй вариант – куда как интереснее. Он приехал с детьми, и, как назло ему, они вашего возраста, Иван. От тебя требуется, чтобы Татьяна стала твоей. А на его сына я натравим Машу; Надя еще мала...

– Александр Петрович, отличная идея! – воскликнул Виктор, и в его бесцветных глазах блеснул восторг. – Не станет же он, в случае чего, сажать собственного зятя, а тем более – его знатных родителей! Вы гениальны, барин!

– Отец, я пойду на любые жертвы ради семьи! – с горячностью отозвался Иван, выпрямив плечи.

Следующие несколько часов все трое, склонившись над уцелевшим столом, составляли тонкий и изощренный план. Они обсуждали, каким образом Ивану следует завоевать сердце Татьяны, а Марии – расположить к себе сына инспектора. Параллельно из кабинета Александра были вынесены и надежно спрятаны все компрометирующие бумаги, касающиеся производства и продажи опиума, списки должников и мелкие расписки. Все это перенесли в комнату Ивана и укрыли под половицей, что была искусно подделана под старую и сломанную.

На смену тревожной ночи в окна членов семьи Орловских пришло хмурое утро, и самые деятельные из них уже начали пробуждаться.

Екатерина Дмитриевна, тихо поцеловав в лоб заснувшего наконец мужа, изможденного ночной работой над коварным планом, отправилась будить Надю – у них намечалась совместная тренировка по конному спорту. Иван, едва проснувшись, тотчас пустился в утреннюю пробежку по росистым аллеям; для него это был незыблемый ритуал, заряжавший бодростью на грядущий день. Мария же, едва открыв глаза, тут же принялась за свой утренний туалет, лелея надежду, что Коля тоже не спит и приводит себя в порядок, памятуя об их договоренности.

Закончив свои дела, Мария ждала брата на первом этаже, у массивной входной двери, переминаясь с ноги на ногу.

«Ну где же эта сова, договорились же... Пойти проверить? Нет, негоже нарушать покой человека без стука. Придется ждать...»

Едва она закончила свой внутренний монолог, как услышала легкие шаги на лестнице. Обернувшись, она увидела спускающегося Николая.

– Николай, а вы чего это так прекрасно выглядите? – удивленно, но с доброй насмешкой произнесла она, окидывая взглядом его белоснежную рубашку и тщательно отглаженные брюки. – В белых рубашке и штанах? Вы меня удивляете!

– А ты не удивляйся, сестра, – с легкой улыбкой ответил он, поправляя манжеты. – Есть такое правило: куда бы ты ни вышел, всегда надлежит выглядеть презентабельно! Вот я его и соблюдаю.

– Ты? – Маша рассмеялась так, будто услышала самый забавный анекдот в своей жизни.

– Да полно, прекрати, – смутился он. – Пошли уже.

Брат и сестра уселись в ожидавшую у подъезда карету и спустя двадцать минут уже прибыли на залитую утренним солнцем главную площадь города.

Мария составила в голове небольшой, но продуманный план. Они не знали наверняка, где смогут встретить Татьяну, но сестра была почти уверена, что одно из загаданных ею мест окажется верным.

– Так, красавчик, – весело начала она, – пойдем сначала пройдемся по рынку, оттуда – мимо полицейского участка, вдоль Изумрудного переулка, и выйдем на Центральный сквер. – Улыбка Маши была столь широка и лучезарна, что, казалось, могла бы осветить все вокруг. Она была безмерно счастлива видеть, что ее вечно грустный и застенчивый брат сегодня, возможно, обретет свое счастье.

Глава 5: Первое свидание

Прогулка имела и еще одну, семейную цель. Помимо главной миссии, Маша жаждала хоть как-то сблизиться с братом. Его стиль «волка-одиночки» напрочь разрушал все родительские установки о том, что семья – это единое целое, и в горе, и в радости. И ей это начало удаваться. Идя по намеченному маршруту, они оживленно беседовали обо всем на свете: о суете окружающих людей, о пении птиц, о своих планах на будущее. Маша была приятно удивлена, что Коля ни разу не спросил ни про отца, ни про его темный бизнес – словно услышанная накануне шокирующая информация была им проглочена и надежно упрятана в дальний угол сознания.

– Маша... Маш... Маша! – Коля внезапно замер на месте, будто вкопанный, и лишь губы его беззвучно шептали ее имя.

– Коль, что случилось? – встревожилась сестра. – Ты никогда в сквере не был?

– Да что ты такое говоришь, конечно, был, – прошептал он, не отрывая взгляда. – Посмотри прямо!

– Ах, вот оно что! – с торжествующей ухмылкой Маша крепко взяла брата под руку и повела его прямо к скамейке, на которой, погруженная в чтение небольшой книжки в сафьяновом переплете, сидела Татьяна.

– Татьяна Федоровна, добрый день, не помешаем вам? – начала Мария, и в ее голосе, осанке, каждом движении сквозила уверенность, которой так не хватало бедному Коле.

– Д... добрый день, Т... Татьяна, – едва выдохнул он, и щеки его залил густой румянец.

– Здравствуйте, – подняла на них свои ясные глаза девушка, откладывая книгу. – Разве мы знакомы?

– Да вот не успели еще представиться должным образом, хотя с одним нашим братом вы уже обменялись приветствиями, – легко парировала Мария. – А я – Мария Орловская, а это мой брат, Николай.

– А, так вот оно что, – лицо Татьяны, до этого спокойное и слегка задумчивое, озарилось приветливой, живой улыбкой. – Вы дети Александра Петровича?

– Да! – выпалил Николай с такой силой, что сам смутился.

– Ты чего, Коля, ты ее испугаешь, – прошептала она ему на ухо, легонько подталкивая его вперед.

– Ой, простите... – пробормотал он, потупив взгляд.

– Да помилуйте, вам не за что извиняться! – рассмеялась Татьяна. – Раз уж вы здесь, не покажете ли мне ваш город? Он кажется таким интересным.

– Да, конечно! – воскликнула Мария. – Но это с удовольствием сделает мой брат. Прошу простить меня, мне срочно надо бежать!

И, лукаво подмигнув ошеломленному Николаю, она развернулась и зашагала прочь, оставив его наедине с его судьбой.

– Давай, покажи ей волю Орловских, – прошептала она на ухо брату, легонько поцеловала его в щеку и, подобно летнему ветерку, умчалась прочь, скрывшись за поворотом аллеи.

Мария убежала, а Коля, с сердцем, колотившимся как птица в клетке, опустил на ту же скамейку, что и Татьяна, но благоразумно оставил между ними расстояние, приличное для двух незнакомых людей, будто все остальные лавки в сквере и впрямь были заняты.

«Что же происходит, Господи? Маша, вот подстава... Ну, давай, заговори с ней, будь как отец или как Ваня, ну соберись!» – отчаянно пытался подбодрить сам себя Николай, чувствуя, как предательская дрожь подкатывает к коленям.

– Как тебе погод... – начал он, запинаясь, но не успел договорить, как Татьяна, видя его мучительную нерешительность, сама решила взять инициативу в свои изящные руки.

– Николай, правильно?

– Да-да, – кивнул он, ощущая, как горит его лицо.

– А пойдёте погуляем? Как раз расскажете мне про город! – предложила она, и в ее глазах плескалось доброе, немного насмешливое лукавство.

– Отличная идея! Пойдёмте! – с чрезмерной горячностью согласился он, поднимаясь со скамьи.

Пройдя сквер и выйдя на мощеную булыжником улицу, Коля никак не мог взять себя в руки и побороть охвативший его страх. Он понимал, что город невелик, и рано или поздно им придется заговорить, если он не хочет услышать вежливое: «Ну, ладно, пойду я, дела, сами понимаете», или что-то в этом роде.

– Слушай, Коль... Можно тебя так называть? – нарушила она молчание, повернув к нему голову.

– Да, конечно, как вам угодно, – поспешно ответил он.

– Давай на «ты»? Мы же, кажется, почти ровесники, – улыбнулась Татьяна, и ее явно забавляла его старомодная, трогательная скромность; ей даже нравилось, что он не был самоуверенным и наглым, как иные кавалеры.

«Какая же она прекрасная... Ее плавная походка, эти лучистые глаза, а то, как она улыбается... Мне кажется, я уже люблю ее. Не может же девушка вечно брать всю ответственность на себя! Я обязан что-то предпринять!» – пронеслось у него в голове, наполняя грудь смелостью.

– Стойте! То есть... остановись, пожалуйста! – вдруг вырвалось у него громче, чем он планировал.

– Что такое? – удивленно подняла брови Татьяна.

– Я... я задам тебе прямой вопрос, чтобы понимать, на что... на что можно рассчитывать! Татьяна была искренне поражена. Шел, молчал, в глаза боялся взглянуть, и вдруг – такой прямой, почти дерзкий вопрос. «На что-то рассчитывать?» – пронеслось в ее мыслях.

У Николая дрожали руки, горло пересохло, но он, преодолевая себя, сумел выдохнуть:

– Скажи, Таня... У тебя есть... кто-то?

– Нет, Николай, – покачала головой она, и в ее взгляде мелькнула искренность. – Никого у меня нет.

Николай выдохнул с такой силой, будто с его плеч свалилась многопудовая гора, и все его тело на мгновение обмякло от счастья и облегчения.

– Так... – с ехидной, но доброй улыбкой протянула она. – А на что ты там теперь считаешься?

– А? Что? Ничего! То есть, ни на что!.. Я хотел сказать... – он снова запутался и покраснел.

– Да прекрати, я шучу! – рассмеялась она. – Ты очень милый молодой человек, знаешь ли! Сердце Коли сжалось от переполнявшей его радости до самых минимальных размеров, а на лице застыла счастливая, немного глупая улыбка, с которой он, казалось, уже не расстанется.

– Можно я... угощу тебя спелыми фруктами? – осмелел он, почувствовав прилив уверенности.

– Если можно, я не откажусь, – кивнула Татьяна.

Коля и Таня вскоре добрались до Белого рынка, где царило оживление, и подошли к первому попавшемуся ларьку, ломившемуся от свежих ягод.

– Нам, пожалуйста, вот тот мешочек ягод! – указал Николай.

«Как мне нравится, что он такой вежливый со всеми, – размышляла про себя Татьяна, наблюдая за ним. – В нем нет этой волчьей злости, агрессии, он – человек чистой души. И это – сын Орловского? Даже не могу себе представить... Для чего же Бог послал мне его?..»

– С тебя, малец, два рубля, – буркнул продавец, косящим взглядом окидывая нарядного барина.

– Почему так дорого? – Николай немного занервничал, но из-за своего мягкого темперамента не мог выразить настоящее негодование, лишь растерянно похлопал по карманам.

«Что она подумает? Что я полный тюфяк, не способный даже за ягоды заплатить? Надо что-то делать! Думай, ну думай же!» – закрутилось в его голове.

– Для тебя цена здесь и сейчас – такая! – усмехнулся торговец. – Приходи в другой раз, может, и будет дешевле. Что вряд ли!

– А ну-ка, Коля, подвинься, – раздался позади него властный, знакомый голос.

Из ниоткуда, словно тень, появился Иван. Он легко отстранил брата и одним своим видом заставил продавца съежиться. Ситуация, в которой с человека, носящего фамилию Орловский, требовали денег, да еще и так нагло, была для него немыслима.

– Слышишь ты, два рубля говоришь? – произнес Иван, сопровождая слова грозным, леденящим душу взглядом.

«А вот это... да, это точно сын Орловского», – с легким холодком под сердцем констатировала про себя Татьяна.

– Нет-нет, что вы, Иван Александрович! – залепетал торговец, побледнев. – Я перепутал! Я... я просто перепутал!

– То есть, ты хочешь сказать, что мой брат пришел в сопровождении дамы, а ты решил таким образом поглумиться над ним? – его голос был тих и страшен.

Разговор был недолгим. Продавец, прекрасно понимая, что в случае упрямства его семья может не проснуться завтра утром, тут же выложил целый ящик отборных ягод.

– Вот это вам, Татьяна Федоровна! – с галантным поклоном протянул ящик Иван.

– Иван, а как же я понесу такой тяжелый ящик? – удивилась она. – Ты бы подумал сначала!

– Коль, помоги брату, – повернулся Иван к Николаю. – Отнеси этот ящик к гостинице Татьяны, а я провожу ее, чтобы никто больше не решил поглумиться.

Братья смерили друг друга взглядами. Воздух между ними накалился, словно перед грозой. Николай, с одной стороны, не хотел этого делать – это было унижительно и наверняка ставило крест на их прогулке. С другой стороны, перед ним был Ваня, которому он с детства не смел перечить.

– Так, мальчики... то есть, мужчины, – с легкой иронией в голосе вмешалась Татьяна, разряжая обстановку. – Пойду-ка я домой.

– Я провожу тебя, – немедленно предложил Иван.

– Нет, я! – возразил Коля, собравшись с духом.

– Я пойду домой одна, – объявила она, глядя на них обоих. – А вы, братья, поделите эти ягоды пополам!

Сказав это, она развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Братья еще мгновение постояли, молча измеряя друг друга взглядами, а затем, словно корабли в море, разошлись в разные стороны.

– Ну, ты представляешь? – сокрушенно рассказывал Коля своей сестре вечером, едва добравшись до дома.

– Ну да, ситуация неприятная, – согласилась Мария, – но я, как твоя умная старшая сестра, готова предложить план действий, который поможет завоевать сердце твоей Татьяны быстрее, чем это сделает Ваня! – заявила она с непоколебимой уверенностью. В ее глазах плясала такая искра, что, казалось, одной ее было бы достаточно, чтобы поджечь целый лес. Впрочем, ее уверенность всегда была ее главным оружием.

– Начинаем! Сядь так, чтобы ни одно слово не пролетело мимо твоих ушей.

– Маш, ну чего ты так завелась? – устало промолвил он.

– Коля, я не поняла: ты хочешь, чтобы Таня выбрала не тебя? А впрочем, мне твое мнение сейчас не интересно. Итак, слушай! Начиная с завтрашнего дня, ты будешь провожать ее от дома по любым ее делам и обратно. Встречать – обязательно с цветами, нарвешь где угодно. И веди культурные, но при этом простые беседы. Брутальностью ты ее не возьмешь, но умом – легко!

– Да я не уверен, стоит ли вообще это делать... – мрачно пробормотал Николай.

– Это еще почему?

– Дочь Юрливского... Отец за меня уже все решил. Не могу же я, будучи женатым человеком, вступать в отношения с другой девушкой!

– Точно, я совсем забыла, – лицо Маши вытянулось. – Согласна, неприятное такое «но»...

После слов Коли весь боевой настрой Маши улетучился, растворившись в небытии. Не будет никакой красивой любовной истории. Коля изначально понимал бессмысленность происходящего, а Маша в пылу азарта просто забыла о предстоящей свадьбе.

Николай терзал себя этими мыслями с того самого момента, как впервые увидел Таню, и теперь, учитывая его хронически меланхоличное состояние, данная ситуация подлила изрядное количество масла в огонь его душевных мук. Мария же тут же начала лихорадочно соображать, как можно исправить положение. Она понимала, что если бы не она, он бы никогда с Таней и не познакомился, и теперь чувство вины не отпускало ее.

– Коль, ну никто же не заставляет тебя жениться на Тане и бросать дочь Юрливского, – начала она осторожно. – Твоя помолвка через дней пятнадцать, а сама свадьба – еще через столько же. Почему бы просто не попробовать хорошо провести время с Таней, но сразу предупредить ее о своей ситуации? Ну, и заодно утереть нос своему вечному противнику-брату?

– Ну... наверное, – нерешительно пробормотал он.

– Ладно, я и так дел наделала, – вздохнула Маша, поднимаясь. – Пойду-ка я лучше, оставлю тебя наедине с твоими мыслями. Завтра скажешь, что надумал.

Прошло некоторое время. Коля, убедившись, что сестра точно ушла в свою комнату, пододвинул к стене массивный стул, вскарабкался на него и дотянулся до верхней полки огромного дубового шкафа, стоявшего справа от окна. Там, в самом углу, в слое пыли, лежал его потерянный кожаный дневник. Не слезая со шкафа, он примостился на нем, открыл толстую тетрадь и начал превращать свои сумбурные мысли в аккуратные строки. Коля, в силу своего тонкого ума и ранимой натуры, был человеком параноидальным. Любое действие вызывало у него сомнения: не повлечет ли оно нежелательных последствий? Не попадет ли он впросак? А может, за ним прямо сейчас кто-то следит? Если бы кто-то нашел его дневник, он, скорее всего, предпочел бы пуститься в бега или даже наложить на себя руки, не в силах вынести насмешек над откровениями его ранимой, никому не ведомой души.

«Дневник, это снова я, твой единственный автор и читатель. Давно мою серую жизнь не наполняли такие краски, но сегодня был день поистине особенный. Мне кажется, а может, это и вправду так, мы с Машей неожиданно сблизились, словно поймали одну волну. Мне было с ней легко, как, надеюсь, и ей со мной. Она подарила мне этот прекрасный день, но виновница его – не она. Сегодня я гулял с той, что влила в мою унылую жизнь все цвета радуги. Таня – как глоток живительной влаги в самый знойный день. Я провел с ней так мало времени, много стеснялся и робел, но, как мне кажется, наша сегодняшняя прогулка пошла мне на пользу. Если бы не Ваня... Он все испортил, как всегда! Влез, бесцеремонно, и попытался украсть мой прекрасный миг. Татьяна, конечно, ему отказала – ну, как, она сказала нам обоим, что пойдет домой одна. Она не сделала выбора в его пользу, и это уже успех! Но Иван все же статнее, красивее, сильнее... Девушки, наверное, любят таких. Лучше бы его не было вовсе. А с восходом солнца я точно найду к Маше и попрошу совета. До следующего раза, мой дорогой и безмолвный исповедник!»

Глава 6: Урок жестокости

– Витя, ты где?! – в четыре часа утра громоподобный голос Александра Петровича разорвал предрассветную тишину, разнесясь эхом по спящему поместью. Хозяин, уже одетый, стоял на крыльце.

– Александр Михайлович, я тут, – как из-под земли выросла худая, сгорбленная фигура Виктора.

Александр велел ему быть у крыльца в три ночи для срочных дел, которые нужно было проверить, пока все спят.

– Смотри, Витя, первая задача на сегодня, – начал Орловский, понизив голос. – Найди пару-тройку надежных ребят, бери список тех, кто не успел вовремя заплатить нам налог, и идите напрямик к ним домой. Я посмотрел по бумагам, их там всего двое. Мне все равно, как, но деньги ты должен забрать. Возьми чуть больше за неустойку, и поделите эту часть между собой.

– Хорошо, барин, – кивнул Виктор. – Спасибо. А вы что будете делать?

– Тебя это вообще никак не должно волновать, – отрезал Александр. – После того как заберете деньги, приходи ко мне на молочный ангар.

Александр дал задание и направился к зерновому ангару, где его уже поджидал Иван, бодрый и готовый к действию.

– Настал тот день, сын, когда ты в первый раз побываешь на настоящей сделке, – сказал отец, хлопая его по плечу. – Будешь стоять позади нас, но смотри во все глаза и учись.

– Хорошо, пап, спасибо! – Иван выпрямился, стараясь скрыть волнение.

– Но сделка будет проходить где-то через полтора часа на молочном складе. Туда приедет повозка. А до тех пор у меня для тебя есть поручение и вопрос. Выбирай, что первое.

– Вопрос, – не раздумывая, ответил Иван.

– Как дела с Татьяной? Ты помнишь, что тебе нужно как можно скорее завоевать ее сердце?

– Отец, вроде бы я завоевал ее расположение, – начал Иван, но лицо его помрачнело. – Вот только вчера я увидел, что она гуляла с Колей. Подошел, вмешался, унизил брата, и... она ушла, сказала – домой.

– Коля, значит... – задумчиво протянул Александр. – Вот с ним и связано мое поручение. Ты должен сейчас пойти в его комнату и найти его дневник. Я знаю, что он у него есть, я ему его дарил. Просто найди, не трогай. Чуть позже, когда его не будет дома, будешь приходить, читать и докладывать мне, что там написано. Ты понял?

– Так точно, отец.

Ваня направился в комнату Коли, а Александр – в свой кабинет, чтобы взять припрятанный за бюстом пистолет.

«Так, где же он мог его спрятать? – размышлял Иван, крадучись проникая в братню комнату. – Под кроватью? Нет, слишком просто. Он чересчур умен для этого. Учитывая, какой он неряха в жизни, в комнате у него подчеркнутый порядок... Порой легче рыться в беспорядке, можно найти куда больше, чем в этой стерильной чистоте...»

Спустя четверть часа бесплодных поисков взгляд Ивана упал на высокий, почти до потолка, книжный шкаф. Тщательно его обследовав, он, наконец, вскарабкался на него и, зарывшись пальцами в толстом слое пыли, нашел желаемое – потертый кожаный переплет.

«Все, задание выполнил, – с удовлетворением подумал он, прыгивая вниз. – Теперь к отцу».

Спустя двадцать минут все назначенные были в сборе у молочного ангара, чьи выбеленные стены в первых лучах солнца казались призрачными. Виктор с отрядом опричников уже передали деньги Александру; тот, не считая, отсчитал часть ассигнаций и распределил между помощниками. Именно поэтому его опричники шли на все – помимо суровых наказаний за провалы, люди получали щедрые, немедленные поощрения за верную службу.

– Слушайте все меня внимательно, – начал Александр, и его низкий голос властно резал утренний воздух. – Сейчас сюда приедут люди Кондратьева, помещика небольшого, в двадцати верстах от нас к востоку. Мы ныне – самые крупные на юге, даже позволяем себе заглядывать на восточные земли, а скоро, после свадьбы моего сына, будем работать и на столицу! Потому к нам и обращаются все чаще – не только за оптом, но и за розницей. Вот и Кондратьев прислал своих людей, дабы они доставили ему несколько фунтов нашей продукции для личного пользования.

– Несколько фунтов... для личного пользования? – с искренним удивлением переспросил Иван.

– Сын, мы-то не принимаем, а иные люди – много и часто. По-моему, у него вся семья такая, – усмехнулся отец.

– А вы уверены, что вокруг никого из людей инспектора? – осмелился спросить Виктор, бегающим взглядом окидывая окрестности.

– А был бы я не уверен, стал бы я проводить сделку? – отрезал Александр, и в его тоне прозвучала такая железная уверенность, что любые сомнения показались кощунственными.

Через несколько минут к воротам ангара, подпрыгивая на ухабах, подкатила небольшая, запыленная повозка. Из нее вышли трое мужчин простолюдинского вида, ничем не примечательных, с лицами, обветренными крестьянским трудом.

– Доброго здоровья, господин Орловский, – один из них, видимо старший, выступил вперед. – Мы к вам из Приводной губернии.

– Приветствую. Хорошо доехали? – спросил Александр с деланным радушием.

– Вашими молитвами, – буркнул тот же мужик с нагловатой, вызывающей усмешкой.

Александр после этих слов будто закипел внутри. Тень пробежала по его лицу.

– Слышал я, у вас там дочери-то красавицы... – начал он с притворным добродушием, но его перебили.

Двое других крестьян пихнули своего товарища в бок, шепча ему что-то сердитое, призывая успокоиться.

– Деньги привезли? – Оскал Александра в момент произнесения этих слов напоминал оскал волка, готовящегося к прыжку.

– Ну, а как же, – не смутился нахал. – А товар на месте?

– Ты меня будешь проверять, крестьянское отродье? – голос Орловского упал до опасного, шипящего шепота.

Все, стоявшие вокруг – и опричники, и спутники приезжего, – замерли, понимая, что конфликта не миновать. Товарищи наглеца отчаянно пытались его образумить, но тронуть самого Александра никто, разумеется, не посмел.

– Вы что, ссориться с Кондратьевым хотите? Если нет, предлагаю вам молча передать нам товар, – уже без тени уважения в голосе заявил мужик.

Ответом ему была молниеносная, отточенная движением рука. Александр, не меняясь в лице, достал из-под сюртука пистолет и, почти не целясь, выстрелил. Грохот выстрела оглушительно раскатился по ангару. Пуля ударила ровно в центр лба. Наглец беззвучно рухнул на землю, как подкошенный.

– Так, – абсолютно спокойно произнес Александр, опуская оружие. – Вы, берите своего друга и тащите в повозку. Закопаете где-нибудь по дороге. Витя, принеси людям то, за чем они приехали. А вы, опричники, заберите деньги и пересчитайте. Расскажите Кондратьеву все как было. Что свою смерть ваш товарищ получил заслуженно.

– М-мы... все поняли... – забормотали оставшиеся в живых двое, бледные как полотно, с трудом поднимая бездыханное тело.

Иван стоял в ступоре, впечатавшись спиной в прохладную стену ангара. В его голове, словно на качелях, раскачивались две противоборствующие мысли: с одной стороны – леденящий душу ужас от легкости, с которой отец отнял жизнь, с другой – пьянящее, захватывающее чувство безграничной власти. После увиденного ему захотелось еще глубже окунуться в семейный бизнес, стать таким же, как отец. Смерть незнакомца не вызывала в нем ни капли сожаления; он был уверен, что на месте отца поступил бы точно так же.

– Так, уже совсем светло, – голос Александра вернул его к действительности. – Опричники, по домам и будьте наготове, как всегда. Витя, то же самое. А Ваня – останься.

Все быстро разошлись, покупатели уехали, увозя с собой труп. Отец и сын остались одни среди запаха сена, пыли и едкого дыма от пороха.

– Ну что, сынок, узнал что-то новое? – спросил Александр, смотря на Ивана оценивающим взглядом.

– Отец, я хочу во всем быть похожим на тебя! – с горячностью выдохнул Иван. – Ты так ловко разобрался с этим провокатором, не дрогнул и глазом, сделка состоялась! Как мне стать таким же?

– Время, сынок, время, – похлопал его по плечу Александр. – Просто будь рядом и учись, набирайся опыта. Как там с дневником?

– Нашел. Он на шкафу, в его комнате.

– Отлично. Это хорошая новость. А теперь иди. Сегодня же поговори с Татьяной!

Тем временем остальное семейство Орловских постепенно отходило от сна и принималось за свои обычные дела.

Еще перед сном Николай твердо решил, что утром состоит важный разговор с матерью. Он лелеял слабую надежду, что мать либо откроет ему какую-то новую, смягчающую правду (не такую горькую, какую поведала Маша), либо даст мудрый совет, как быть в его невыносимой ситуации.

Глава 7: Стены непонимания

Он спустился на первый этаж и подошел к входу, где обычно в кресле сидела служанка, если у нее не было иных дел.

– Добрый день, – обратился он. – Вы не видели мою маму?

– Здравствуй, молодой господин, – приветливо отозвалась она. – Да, твоя матушка ушла проконтролировать кормление лошадей.

– Спасибо, – с благодарной улыбкой кивнул Коля и направился к выходу.

Он подошел к конюшне, и ему не пришлось долго искать – Екатерина Дмитриевна как раз в этот момент ласково гладила свою любимую гнедую кобылу по шее, что-то негромко ей напевая. Лошадь она называла «Звездой».

Мать Коли прекрасно знала, чем занимается ее муж. Она никогда публично не порицала род его деятельности, но и не принимала в ней прямого участия. Обладая спокойной, терпеливой натурой и чтя Божьи заповеди, она, тем не менее, позволяла себе грешить – пользоваться положением и порой свысока, без должного уважения, общаться с людьми низшего сословия, подчинявшимся ее семье. В глубине души она понимала, что никогда бы не обидела человека по-настоящему, не нанесла бы рану, и пыталась привить эту доброту детям. Но ее слова находили отклик лишь у Коли и отчасти у Маши. Сама же она была вынуждена поддерживать образ властной, несгибаемой супруги Александра Орловского.

– Мам, привет, – тихо сказал Коля, подходя ближе.

– Доброе утро, моя радость, – обернулась она, и лицо ее озарилось теплой, искренней улыбкой. – А ты что тут подельываешь?

– У меня к тебе есть пара вопросов. Не затруднит со мной поговорить?

– Да что ты, сыночек, конечно нет! – она потрепала его по волосам. – А знаешь что? Давай-ка я оседлаю Звезду, а ты возьмешь своего коня... Кажется, ты назвал его Радугой?

– Да, Радуга... – улыбнулся он. – Давай, это отличная идея!

Мать и сын вскоре оседлали лошадей и неспешным шагом двинулись от конюшни в сторону Потемкинского леса – туда Екатерина часто уезжала, когда хотела укрыться от суеты и побыть наедине с природой.

– Ну, и о чем же хотела спросить меня моя радость? – начала она, когда дома скрылись из виду.

– Твоя радость хотела узнать... чем же все-таки занимается отец? И почему, когда приехал инспектор, началась такая суета?

Екатерина опешила. Коля был тем единственным человеком, которого она всеми силами пыталась уберечь от этой грязной правды.

– Да ничего особенного, обычная проверка, – залепетала она, глядя куда-то в сторону. – Нынче, знаешь ли, при нашей власти всякое придумывают... Вот, это одно из таких.

– Мам, ты можешь лгать кому угодно, но только не мне, – тихо, но настойчиво сказал он. – Я же вижу по твоим глазам, что все не так.

Екатерина остановила Звезду и повернулась к нему с максимально серьезным, почти суровым видом.

– Твой отец продает опиум. А также большинство людей в городе платят ему за свое спокойствие и возможность тихо работать.

Коля сделал вид, что сильно удивлен, и просто молчал, опустив голову.

– Коль, я же вижу, что это тебя не удивило, – с грустью прошептала она. – Значит, ты знал и спросил лишь для подтверждения. На твоём лице написано, что тебя куда больше волнует второй вопрос. Так задавай его, потому что я не намерена больше говорить об отце.

Они продолжили движение. Коля боялся задавать свой второй вопрос, но, собрав всю волю в кулак, выпалил:

– Мне... мне очень нравится дочь инспектора, Татьяна. Когда я увидел её в первый раз, я сразу понял – это любовь. Недавно мы прогулялись, поговорили, и я убедился – это мой человек! Но потом вмешался Иван... Ему она тоже приглянулась, и он умеет располагать к себе людей лучше меня! Как мне быть, я не знаю! Тем более, у меня скоро свадьба с человеком, которого я в глаза не видел! – Он пытался сохранять спокойствие, но голос его дрожал, выдавая всю глубину отчаяния.

– Ох, напугал ты меня, сыночек, – с облегчением, переходящим в легкий, нервный смех, выдохнула Екатерина. – Я уж думала, что-то серьезное!

– И что? Как мне быть? – в голосе Коли послышалась мольба.

– Когда мне было твоих лет, меня выдали замуж за твоего отца, – начала она наставительно. – Точно так же, без моего согласия, без права голоса. Просто выдали. И знаешь что? Я полюбила его. Полюбила так сильно, что готова отдать за него жизнь, если понадобится.

– Но я не хочу так! – взорвался он. – Я не хочу ни за кого отдавать жизнь! Я хочу сам сделать свой выбор!

– Ты еще мальчик, Коля, – строго сказала она, и в ее голосе зазвучали заученные, чужие ноты. – Ты женишься на дочери Юрливского, и это не обсуждается. Ты очень поможешь нашей семье. Юрливский – человек, весьма уважаемый в столичных кругах, у него везде связи. Представь, как роскошно ты будешь жить, какие благородные, чистокровные дети у вас родятся! Со всех сторон – сплошная аристократия.

Произнося эти слова, Екатерина чувствовала, как ее собственное сердце сжимается от боли. Она всегда мечтала о счастье для Коли, любила его больше всего на свете. Про «любовь с первого взгляда» к Александру она солгала – нет, она его ценила и боялась, но страх перед ним давно подавил в ней все иные чувства. А то, что она сейчас говорила сыну, была та самая, заученная наизусть речь, которую велел ей произнести муж, если такой разговор состоится. Ослушаться его – значило подписать себе приговор.

– Мам, да ты меня не слышишь! – голос Николая дрогнул от обиды. – Я не хочу никому помогать! Я хочу быть счастливым!

– Сыночек, пойми, порой, чтобы быть по-настоящему счастливым, нужно отказаться от минутного соблазна ради светлого будущего. Твое будущее – с дочерью Юрливского.

Николай вдруг страшно разозлился. Он резко дернул поводья, развернул Радугу и тихо, но очень четко произнес:

– Порой я думаю, что мне не следовало родиться в этой семье.

Не дожидаясь ответа, он пришпорил коня и отъехал в сторону, вглубь леса. Едва скрывшись из виду, он слез с седла, прислонился лбом к прохладной коре дерева и зарыдал, давясь горькими, бессильными слезами. Обида и боль пожирала его изнутри. Единственный человек, перед кем он не боялся открыться, не поддержал его в самый трудный момент.

Екатерина, не в силах двинуться с места, тоже слезла с лошади. Сделав несколько шагов вперед, она упала на колени в мягкий мох и, схватившись за голову, начала тихо, безутешно рыдать, терзаемая душевной болью. Когда родился Коля, она сказала Александру: «Смотри, на свет появилась самая чистая частичка моей души». Ее любовь к сыну не знала границ. То, что она сказала про готовность отдать жизнь за Александра, была ложью. Но если бы вопрос стоял о жизни Николая – она, не задумываясь, отдала бы свою.

И ведь никакой видимой трагедии не случилось, с Колей ничего плохого не произошло. Но она-то понимала, как это для него важно. И она, его мать, единственная, кто мог бы ему помочь, оказалась бессильна.

В этот же час Александр вызвал к себе в кабинет Виктора.

– Витя, план такой. Пришло время отдать месячное жалование нашему старшему полицейскому. За одно и разузнаем, как там поживает наш дорогой инспектор.

– Так точно, барин. Сейчас отправляемся?

– А когда же еще, Витя? – усмехнулся Орловский.

Обычно «вторую зарплату» старшему полицейскому, Петру, передавал лично Виктор. Их встреча происходила в начале Белого рынка, где всегда было многолюдно, и каждый был занят своим делом. Александр платил щедро, и Петр, в свою очередь, всячески содействовал ему, не задавая лишних вопросов.

По приезде на место Петр уже ждал их у знакомого ларька с молоком, принадлежавшего Орловским.

– Ну, привет, Петруша, – приветствовал его Александр с подобострастной улыбкой.

– И вам здравствуйте, Александр Михайлович! – полицейский вытянулся почти по-военному. – Чем я заслужил честь вашего личного визита?

– Да вот, решил сам вручить тебе вознаграждение, – пояснил Орловский. – В этом месяце – немного больше обычного.

Виктор протянул толстый, туго набитый конверт. Петр, оглядываясь по сторонам, ловко и быстро сунул его в глубокий карман мундира.

– Благодарю покорно, Александр Михайлович! А почему вдруг больше?

– А это – за то, что в городе сейчас наши недруги, а ты, имея на то полное законное право, ничего им не рассказываешь. Так ведь, Петруша?

– Да вы меня обижаете, Александр Михайлович! – всплеснул тот руками. – Ни единого лишнего слова про вас не прозвучало! Только то, что вы сами разрешили говорить.

– Это хорошо, Петруша. Очень хорошо. А теперь давай прогуляемся, и ты мне поведаешь, чем же занимается сейчас инспектор. Странно как-то: приехал, а от него ни слуху ни духу.

Александр, Петр и Виктор выстроились в ряд – Орловский посередине – и неспешно пошли вдоль торговых рядов.

– Ну, так что? – подтолкнул его Александр.

– Честно вам доложу, знаю я мало, – понизил голос Петр. – Мне было приказано выделить ему и его свите два кабинета – один лично для него, второй – для подручных. О вас он спрашивал один раз у меня и по разу у каждого городского. Естественно, никто дурного слова не молвил. Только и сказали, что вы, дескать, человек строгий, иногда можете свои дворянские полномочия немного превышать, но в целом – все хорошо.

– Правильно сделали, – кивнул Александр. – Будь все идеально, если бы обо мне только хвалились, это вызвало бы куда больше подозрений, чем такая мелкая придирка.

– Вот-вот, я так и думал!

– А сейчас он где? Чем занимается? Может, по городу ходит, людей опрашивает?

– Да нет, практически безвылазно сидит у себя в кабинете. Бумаги какие-то изучает.

– Понял. Ладно, если что понадобится – я тебя найду.

– Честь имею откланяться, Александр Михайлович!

Александр с Виктором развернулись и пошли обратно.

– Ну, что, как считаешь, было что-то подозрительное? – спросил Орловский, когда отошли подальше.

– А вот сейчас, барин, мы это и проверим, – таинственно произнес Виктор.

Они вернулись к тому же молочному ларьку. К ним немедленно подошли пятеро человек из числа опричников, мгновенно растворившиеся в толпе до этого.

– Ну что, ребята, кто-нибудь следил? – напрямую спросил Александр.

Всего у него было несколько таких групп, втянутых во все темные дела, по пять-шесть человек в каждой. Во главе каждой стоял бригадир, он и докладывал напрямую барину.

– Никак нет, – четко отрапортовал один из них. – Встали, как и приказывали: один в начале улицы, другой в конце, остальные – в самой толпе.

– Да, мы вас, признаться, и не заметили, – с одобрением кивнул Александр. – Сработали чисто. Значит, слежки не было?

– Никак нет. Никого подозрительного.

– Отлично. Все свободны. Как понадобится – я позову. – Опричники молча растворились так же быстро, как и появились, оставив Александра с Виктором наедине.

– Ваш план, барин, сработал как по нотам, – с почтительным восхищением проговорил Виктор. – Показательная встреча с полицейским на людях дала нам понять, что инспектор пока даже не начинал активных действий.

– Витя, что значит «пока»? – прищурился Александр, но был явно доволен. – За такие слова я бы тебя наказал, не будь я в таком духе сегодня. Результаты проверки ясны: у нас есть время спокойно подготовить и провести сделку с Юрливским, чтобы никто не сунул нам палки в колеса.

Николай, тщетно искавший поддержки хоть в ком-нибудь, направился к своей сестре Марии. О горьком разговоре с матерью он рассказывать не собирался, но просто увидеться с ней, почувствовать ее участие, ему было необходимо. Мария в тот момент...

Мария решила остаться дома и никуда не идти. Пробудившись ото сна, она не спеша предавалась течению времени, наслаждаясь редкими моментами покоя. Облаченная в легкое домашнее платье, она устроилась на садовых качелях под раскидистым старым кленом и медленно раскачивалась, погруженная в созерцание пасмурного летнего дня. Воздух был тяжелым и влажным, предвещая возможный дождь, а птицы пели не так звонко, как обычно, словно и они чувствовали гнетущую атмосферу, нависшую над помещьем.

– Маша, привет, – произнес Коля, подойдя к сестре. Его лицо было бледным и встревоженным.

– Ничего себе, сам Николай пожаловал ко мне в сад! Ну, привет, брат! – она улыбнулась, но в глазах читалась усталость.

– Пойдем прогуляемся в город, – почти умоляюще сказал он.

– Коль, я сегодня хотела просто побыть дома, никуда не двигаться, – вздохнула она, продолжая медленно раскачиваться.

– Я тебя прошу, давай прогуляемся. У меня одного не хватит смелости подойти к Татьяне, если мы ее встретим.

– А почему ты так уверен, что она там? – приподняла бровь Мария. – И, если уж на то пошло, как ты собираешься строить с ней отношения, если боишься даже приблизиться?

– Маша, я тебя попросил, – голос Николая дрогнул от отчаяния. – Ответь: да или нет. Без лишних вопросов.

Недовольно вздохнув, она резко остановила качели и встала.

– Пошли, Коля. Пошли.

Не заходя в дом, они сразу направились в сторону города. Дорога прошла практически в молчании, изредка прерываясь разговорами о посторонних, ни к чему не обязывающих вещах. Коля тщательно избегал тем о своем разговоре с матерью и о той душевной боли, что разрывала его изнутри. В своем отчаянном положении он почему-то слепо, по-детски верил, что если у него все получится с Татьяной, то отец вдруг смягчится, поймет его и, быть может, даже согласится женить на дочери Юрливского Ивана. Эта наивная надежда была его единственным спасательным кругом. Он и не подозревал, что Татьяна в планах его отца – не объект юношеской влюбленности, а ключ к спасению от инспектора, и что главная роль в этой интриге отведена вовсе не ему, а его брату.

– Ну, вот мы и в городе, – голос Марии вернул его к реальности. – Какой план, капитан? – произнесла она с легкой насмешкой.

– Давай просто пройдемся по главным улицам, как тогда, – предложил он. – Не будет же она гулять по задворкам и в жилых кварталах.

– Коль, а у человека не может быть своих дел? – покачала головой сестра. – Почему ты так уверен, что она целыми днями бесцельно бродит по городу?

– Не знаю... Мне просто кажется. Я уверен, она где-то здесь!

Пока брат и сестра направлялись к Белому рынку, они обсудили стратегию. Мария настаивала: если Коля хочет завоевать сердце Татьяны, ему необходимо быть куда смелее. Николая глодал страх, что Иван благодаря своей врожденной уверенности и авторитету легко перехватит инициативу. В итоге они пришли к выводу: чтобы выглядеть в глазах Татьяны более мужественным и значительным, настоящим наследником рода Орловских, Коля мог бы воспользоваться парой отцовских опричников в качестве свиты, создав тем самым иллюзию силы и защищенности. Ведь при первой встрече Татьяна показала себя девушкой властной и сильной, а таким, по их разумению, импонируют надменные, уверенные в себе мужчины.

Пройдя чуть дальше, они увидели одну из групп опричников, в полном составе бесцельно сидевших на запыленной лавочке, – тех самых, что всего час назад выполняли поручение Александра.

– Вот, смотри! – шепнула Мария. – Давай подойдем и «позаимствуем» пару человек.

– Маш, а они не пошлют нас куда подальше? – с опаской спросил Коля.

– Они – нам? Смотри и учись!

Мария стремительно направилась к ним. Увидев приближающуюся молодую госпожу, вся группа разом встала, вытянувшись в почтительной, хоть и неловкой, позе.

– Здравия желаем, Мария Александровна, Николай Александрович, – произнес главный в группе, человек с обветренным лицом и умными, хитрыми глазами. – Можем ли мы быть вам полезны?

– Да, можете, – властно ответила Мария. – Нам требуется два человека, да покрупнее, чтобы сопровождали нас во время прогулки.

Опричники переглянулись в явном недоумении.

– Господа, простите за вопрос, но... вам угрожает какая-то опасность? – с уважением, но и с опаской осведомился старший.

– Нет, никакой опасности, – парировала Мария. – Просто мы желаем, чтобы позади нас, на всякий случай, следовали двое ваших людей. Сами понимаете, рынок, всякие воры и сомнительные личности.

– Сударыня, я вас уверяю, вас здесь все знают в лицо, и никто не посмеет даже приблизиться, – попытался возразить он. – Но если вам так угодно... – он махнул рукой. – Степан, Григорий! Будете сопровождать господ Орловских куда они пожелают.

– В прошлый раз, когда мы гуляли, – добавила Мария с максимально серьезным видом, – одному торговцу вздумалось нагрубить Николаю Александровичу и запросить с него за ягоды двойную цену. Потому мы и просим. Ах, да... и, разумеется, отец не должен знать об этом.

– Безусловно, Александр Михайлович ничего не узнает, – кивнул старший, и в его глазах мелькнуло понимание. – А не соизволите ли указать, где тот ларёк, что осмелился оскорбить молодого барина?

– Да, вон там, в конце ряда, где ягоды продают, – указала Мария.

Опричники снова переглянулись, на сей раз с мрачной решимостью, и дружно направились в указанном направлении. Брат и сестра же, в сопровождении двух рослых, молчаливых крепких мужчин, двинулись дальше. Не прошло и десяти минут, как Мария, обладающая зорким глазом, заметила Татьяну, стоящую у прилавка мясной лавки; с ней был молодой человек – ее брат.

– Коля, смотри! – тихо воскликнула она, дернув брата за рукав. – Вон, твоя Татьяна! И с ней, кажется, ее брат!

– Маш, а ты не думала приглядеться к нему тогда, когда они приехали? – вдруг заметил Коля. – Он показался мне... довольно интересным.

– Да ну, не глупи! – отмахнулась она. – Это ты у нас авантюрист, способный влюбиться в девушку, что в любой миг может укатить обратно в столицу. А я... я хочу стабильности и определенности.

Тем временем Татьяна с братом выбирали мясо, как вдруг мясник, широкоплечий детина в заляпанном фартуке, решил завязать беседу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.